Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ.

ГОЛОСЪ ТРУДА

ИЗДАНІЕ СОЮЗА АНАРХО-СИНДИКАЛИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ.

Выходитъ еженедѣльно по пятницамъ.

ЦѢНА № 20 КОП.

Редакція и Контора: Петроградъ, Птг. ст., Полозова ул., д. 26, кв. 3. Контора открыта отъ 3-хъ до 7 час. вечера въ будніе дни.

Секретарь Редакціи принимаетъ ежедневно, кромѣ воскресенья и праздниковъ, отъ 6 до 7 веч.

Условія подписки:
На 6 мѣсяцевъ . . . . 6 руб.
На 3 мѣсяца . . . . 3 руб.

Деньги, заказы и т. д. просятъ присылать не на имя газеты или Союза, а на имя секретаря редакціи: А. Шапиро, Полозова ул., 26, кв. 3.

№ 3. Пятница 25-го (7-го Сентября) Августа 1917 г. № 3.

КЪ МОМЕНТУ.

Событія слѣдуютъ одно за другимъ, словно въ гигантскомъ калейдоскопѣ, съ головокружительной быстротой.

Московское совѣщаніе... Прорывъ рижскаго фронта... Контръ-революціонные заговоры...

А что сказать о нѣкоторыхъ другихъ,—быть-можетъ, менѣе эффектныхъ, но едва ли не еще болѣе трагичныхъ по существу,—„знаменіяхъ времени"? Угрожающая массовая безработица... Призракъ полнаго голода... Общее оскудѣніе жизни... Общій развалъ...

Да. Это—революція. Подлинная, настоящая революція. Не свѣтлый праздникъ, не „нечаянная радость", а великое и тяжкое испытаніе. Въ мучительныхъ судорогахъ, въ тяжелыхъ очистительныхъ страданіяхъ рождается новая жизнь...

И вотъ, какъ во всякой подлинной революціи, такъ и здѣсь—у всѣхъ, смѣняющихъ другъ друга, событій есть единый, связывающій ихъ, глубокій внутренній смыслъ.

Есть одна основная черта, одна главная, *центральная ось*, вокругъ которой, въ сущности, вращаются всѣ эти событія, и которая представляется намъ единственно-существенной, единственно-интересной, единственно-важной и заслуживающей вниманія, съ точки зрѣнія интересовъ трудящихся массъ.

Идетъ великая борьба, — великая, трагическая тяжба, — между двумя вѣковыми историческими силами, между двумя старыми и смертельными врагами: между капиталомъ и трудомъ; между буржуазіей и ея рабами. Таково основное, „осевое" содержаніе революціи. Все прочее, все промежуточное, все то, что стремится примирить, согласовать, сгладить, успокоить, — все это, хотя, быть-можетъ, и характерно, и имѣетъ *временно* свое значеніе, но — совершенно несущественно съ точки зрѣнія конечныхъ результатовъ революціоннаго процесса.

Хотимъ мы этого или не хотимъ; улыбается намъ это или нѣтъ, — революція наша неизбѣжно закончится однимъ изъ двухъ: или, по ея окончаніи, *останется* капитализмъ, *останется* частная собственность на матеріалы и орудія труда, *останется* помѣщикъ, фабрикантъ, купецъ и *останутся*, слѣдовательно, всѣ тѣ ужасы, которые неразрывно связаны съ капиталистическимъ порядкомъ вещей, — или же капиталистическій строй исчезнетъ, не устоитъ, погибнетъ въ горнилѣ кровавыхъ событій, и, „на другой день послѣ революціи", мы начнемъ жить на совершенно новыхъ началахъ. Одно изъ двухъ: буржуазія *будетъ*, или *не будетъ*. Буржуазія или побѣдитъ, или будетъ побѣждена. Или погибнетъ, или начнетъ царствовать, по образу и подобію буржуазіи западно-европейской.

Обѣ стороны — и буржуазія, и пролетаріатъ—болѣе или менѣе отчетливо сознаютъ эту сущность революціи. И каждая изъ сторонъ стремится къ *своей*, возможно болѣе полной, по возможности исчерпывающей побѣдѣ.

Таковъ основной смыслъ всего, совершающагося нынѣ. Такова та *главная ось* событій, безъ твердаго уясненія и постояннаго памятованія о которой невозможно ни правильно разбираться въ текущихъ событіяхъ, ни вѣрно оцѣнивать и понимать ихъ.

Мы знали всегда и знаемъ теперь, что въ этой великой тяжбѣ—буржуазія пойдетъ на все. Она будетъ, какъ была всегда и вездѣ, беззастѣнчивой въ выборѣ средствъ и безпощадной въ ихъ примѣненіи. И чѣмъ затруднительнѣе будетъ становиться ея положеніе, чѣмъ серьезнѣе будетъ обозначаться угроза ея владычествованію, — тѣмъ безстыднѣе, тѣмъ наглѣе, тѣмъ безпощаднѣе будетъ ея сопротивленіе революціи, тѣмъ ужаснѣе будутъ мѣры, примѣняемыя ею противъ революціоннаго народа.

Все то, что происходитъ нынѣ, на глазахъ у всѣхъ, а также всѣ, получаемыя нами изъ серьезныхъ источниковъ свѣдѣнія съ мѣстъ, уже, какъ нельзя болѣе ярко, подтверждаютъ сказанное.

Буржуазія *хочетъ* побѣдить. Всемірная буржуазія стремится погасить начавшуюся революцію, угрожающую ея царствованію. И она не остановится ни передъ чѣмъ, *рѣшительно ни передъ чѣмъ* ради осуществленія своей воли. Вотъ что мы должны сказать себѣ твердо, разъ навсегда.

Но, у насъ есть серьезныя основанія думать, что, *на этотъ разъ*, буржуазіи,—русской и международной,—не удастся сломить, раздавить, затопить въ крови величайшій, начатый Россіей и медленно, но вѣрно назрѣвающій заграницей „бунтъ рабовъ". У насъ есть основанія считать, что даже военные успѣхи Германіи *не приведутъ* къ „гражданскимъ" успѣхамъ и *не спасутъ отъ угрожающей революціи* ни самое нѣмецкую, ни международную буржуазію. Слишкомъ ужъ взбаламучено повсюду народное море. Слишкомъ расшатаны вездѣ устои жизни. Слишкомъ разбушевалась стихія, чтобы можно было теперь, тѣми или иными способами, укротить, обуздать ее, ввести въ нормальное русло, въ спокойные берега... Повелители стихіи не ожидали сами такого урагана. И не слишкомъ ли поздно теперь, посѣявъ вѣтеръ, пытаться уловить и унять бурю?..

Мы понимаемъ, однако, что для конечнаго успѣха революціи, требуется величайшее напряженіе силъ,—повсюду, на мѣстахъ,—и ни на минуту не прекращающееся дальнѣйшее углубленіе и расширеніе революціи тамъ, гдѣ она уже началась, т. е. въ Россіи, съ цѣлью превращенія ея въ революцію истинную, въ *революцію соціальную*.

Вотъ почему, каковы бы ни были событія и передряги момента,—мы говоримъ русскому пролетаріату, русскому крестьянству, русскимъ солдатамъ, русскимъ революціонерамъ: *прежде всего и паче всего — продолжайте революцію!* Продолжайте энергично организовываться и связываться между собою вашими организаціями, союзами, общинами, комитетами, совѣтами. Продолжайте неумолимо и неотступно, — вездѣ и всюду, — дѣло вмѣшательства въ хозяйственную жизнь страны, дѣло перехода въ ваши руки, т. е. въ руки вашихъ организацій, всѣхъ матеріаловъ и орудій труда, дѣло устраненія частныхъ предпріятій. Продолжайте революцію! Берите въ свои руки рѣшеніе всѣхъ жгучихъ вопросовъ момента. Создавайте необходимые для этого органы. Крестьяне — берите землю, въ вѣдѣніе и распоряженіе вашихъ комитетовъ. Рабочіе—готовьтесь къ переходу въ вѣдѣніе и распоряженіе вашихъ организацій,—всюду на мѣстахъ,—рудниковъ и копей, промысловъ и отдѣльныхъ хозяйствъ, фабрикъ и заводовъ, машинъ и мастерскихъ.

Въ отвѣтъ на всѣ удары въ спину; въ отвѣтъ на всѣ ухищренія, на всѣ явныя и тайныя козни буржуазіи,—вы должны еще опредѣленнѣе, еще настойчивѣе организовываться, бороться, *продолжать революцію*.

Мы не видимъ, въ совершающихся нынѣ событіяхъ, ничего такого, что могло бы заставить насъ отказаться отъ этой *единственно-важной, единственно-цѣнной, единственно-спасительной* и *единственно-ясной*, для трудящихся, задачи дня.

Наоборотъ. Болѣе чѣмъ когда-либо, мы настаиваемъ нынѣ на безусловной необходимости отдать *этой задачѣ* всѣ силы, всѣ помыслы, всю энергію...

ЗАДАЧА ДНЯ.

Если рабочіе не хотятъ, чтобы революція была раздавлена; если рабочіе не хотятъ, чтобы усилія и жертвы, принесенныя ими, за полъ-года, на алтарь революціи, остались безрезультатны,—они должны немедленно приступить къ созданію **единой, сильной, внѣпартійной организаціи, построенной снизу вверхъ**, начиная отъ ячеекъ (комитетовъ) **по предпріятіямъ** и кончая **Совѣтами Рабочихъ Делегатовъ**, объединяющими города, районы и области.

Ближайшей задачей, вырастающей передъ ними на этомъ пути, является, слѣдовательно, **немедленное повсемѣстное перензбраніе Совѣтовъ**—съ тѣмъ, чтобы послѣдніе стали, дѣйствительно, отвѣчающими своему назначенію, т. е. прямыми, подлинно трудовыми и революціонными, связывающими и объединяющими рабочій классъ, узловыми организаціями.

Дальнѣйшей задачей должно быть установленіе тѣснѣйшей связи между этими рабочими организаціями и организаціями крестьянскими и солдатскими.

Конечной задачей должно быть полное перенятіе этими организаціями въ свои руки всей хозяйственной жизни страны.

Спорные вопросы.

Мы переживаемъ сейчасъ особенное, исключительное время. Мы—современники, зрители и участники эпохи необыкновенной; свидѣтели и творцы событій, не укладывающихся ни въ какія опредѣленныя рамки, не поддающихся никакимъ заранѣе установленнымъ, предуготованнымъ схемамъ.

Можно было, конечно, до извѣстной степени предвидѣть общія очертанія этой, давно надвигавшейся и, наконецъ, наступившей эпохи. Можно было, въ общихъ чертахъ, предугадывать основное направленіе событій. Можно было, наконецъ, подходить къ этимъ событіямъ, учитывать и оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія общихъ, глубоко-принципіальныхъ положеній... *Но, нельзя было точно предусмотрѣть*, въ какой именно опредѣленной обстановкѣ откроется и развернется процессъ, какіе именно конкретные, жизненные вопросы выдвинетъ онъ, какими именно путями направятся творческія исканія и дѣйствія массъ.

Да. Мы переживаемъ исключительный періодъ—періодъ жадныхъ революціонныхъ устремленій, остраго революціоннаго творчества; періодъ бурной, сокрушающей ломки всѣхъ существующихъ формъ, навыковъ, устоевъ и отношеній; періодъ страстнаго, упорнаго, настойчиваго строительства новыхъ отношеній и формъ... Выступившая изъ береговъ жизнь кипитъ и бурлитъ, сильно прорвавшій заторы потокъ, ища новыхъ путей и стремясь къ неизвѣданнымъ горизонтамъ.

Этого мало. Бурная творческая работа революціоннаго народа осложнена, затруднена, искажена войной и цѣлымъ рядомъ связанныхъ съ нею явленій. Жизнь страны превратилась въ запутанный клубокъ фантастически сложныхъ, подчасъ неразрѣшимыхъ задачъ, положеній, противорѣчій...

Въ такіе періоды, неумолимо и неизбѣжно выростаютъ передъ нами нѣкоторые острые, практическіе «вопросы дня», на которые нѣтъ и не можетъ тотчасъ же быть опредѣленнаго, готоваго отвѣта—даже у людей, въ основѣ мыслящихъ одинаково и связанныхъ узами идейнаго родства. Выростаютъ,—изъ глубинъ самой жизни,—вопросы, которыхъ нельзя было предвидѣть; вопросы, острые и сложные, рѣшеніе которыхъ должно быть глубоко продуманнымъ и основаннымъ на тщательномъ учетѣ опредѣленныхъ жизненныхъ положеній, опредѣленной, конкретной обстановки.

Одно дѣло—спокойное, теоретическое, умозрительное, «головное» обдумываніе и разрѣшеніе обще-принципіальныхъ проблемъ. Другое дѣло—необходимость, въ бурѣ и пламени революціи, рѣшать жгучіе, тревожные, поистинѣ «проклятые» вопросы момента.

Есть вопросы сложные. Вопросы неясные. Вопросы мучительно острые и мучительно же неопредѣленные. И такихъ вопросовъ не мало... Надо тщательно, всесторонне продумать ихъ. Необходимо сообща обсудить ихъ, сговориться, столковаться по каждому изъ нихъ. Увы, для этого требуется время. Между тѣмъ, медлить нельзя. Буря не утихаетъ. Жизнь не ждетъ. Жизнь не останавливается и не щадитъ. Жизнь неумолимо требуетъ немедленнаго отвѣта, немедленнаго указанія, мнѣнія, совѣта, поступка...

Совершенно естественно, поэтому, что въ нѣкоторыхъ изъ такихъ вопросовъ—мнѣнія людей, даже близкихъ другъ другу по основамъ своего міросозерцанія, могутъ временно расходиться. Естественно, что люди даже одного лагеря нѣсколько разно принимаютъ и рѣшаютъ иные изъ выдвигаемыхъ самой жизнью острыхъ вопросовъ момента.

Редакція «Голоса Труда» рѣшила, не колеблясь, предоставить страницы газеты для свободнаго обмѣна мнѣніями по нѣкоторымъ изъ *такихъ* вопросовъ.

Изъ спора, изъ обсужденія—выясняется и рождается истина. И печатный органъ можетъ и долженъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, помочь этому обсужденію и выясненію. Именно такимъ путемъ легче всего вскроется и установится, въ области спорныхъ вопросовъ, строгая, ясная правда, выработается опредѣленная точка зрѣнія.

Редакція тѣмъ охотнѣе принимаетъ такое рѣшеніе, что анархисты, и вообще-то говоря, находятъ глубоко-неправильнымъ и недопустимымъ замыкаться разъ навсегда въ узкія рамки догмы. Анархисты заранѣе опредѣленно считаютъ, что жизнь,—живая, сложная человѣческая жизнь,—шире и глубже догмы; что жизнь естественно выдвигаетъ и должна выдвигать цѣлый рядъ *своихъ*, непредусмотрѣнныхъ догмой, задачъ; что насколько важно и необходимо единство мнѣній въ основныхъ, обще-принципіальныхъ вопросахъ міросозерцанія, настолько же естественно и желательно открытое, свободное идейное обсужденіе въ области живыхъ, спорныхъ, не умозрительныхъ, но самой жизнью рожденныхъ вопросовъ.

Свободное разнообразіе мнѣній по такого рода вопросамъ и свободный обмѣнъ этихъ мнѣній на страницахъ печатнаго органа мы считали всегда, и считаемъ нынѣ лучшимъ путемъ къ всестороннему уясненію вопроса и къ выработкѣ единаго, твердаго продуманнаго рѣшенія.

Главными, жизнью выдвинутыми вопросами дня, по которымъ мнѣнія товарищей нѣсколько расходятся, являются: вопросъ объ отношеніи къ профессіональнымъ союзамъ и фабрично-заводскимъ комитетамъ; вопросъ о роли и назначеніи Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ; и, наконецъ, вопросъ о тѣхъ конкретныхъ формахъ, въ какія должна нынѣ вылиться дѣятельность анархо-синдикалистовъ въ Россіи.

Читателямъ извѣстна уже, изъ первыхъ двухъ номеровъ «Голоса Труда», точка зрѣнія нѣкоторыхъ товарищей по отношенію къ профессіональнымъ союзамъ, фабрично-заводскимъ комитетамъ и Совѣтамъ Р. и С. Депутатовъ. На страницахъ дальнѣйшихъ номеровъ, вопросы эти будутъ освѣщаться и обсуждаться товарищами, придерживающимися, въ настоящій моментъ, нѣсколько иныхъ воззрѣній.

Организація рабочихъ.

(Продолженіе).

Отъ созыва I-ой Гос. Думы до Ленскихъ событій.

Съ началомъ предвыборной компаніи въ 1-ю Государственную Думу, реакція нѣсколько ослабѣла.

Рабочіе постарались использовать этотъ моментъ: ожило рабочее движеніе; началось быстрое и спорое профессіональное строительство. Изъ-подъ символическихъ для того времени развалинъ Прѣсни, словно сказочная птица Египта—Фениксъ, сгоравшая при приближеніи смерти и вновь возрождавшаяся изъ своего пепла,—возродилось вновь профессіональное движеніе, полное свѣжихъ, бодрыхъ силъ, покрывая Россію цѣлой сѣтью союзовъ.

Древне-греческое преданіе разсказываетъ намъ о богатырѣ Антеѣ, который былъ неодолимъ, пока прикасался къ груди своей матери—земли. И нужна была сила Геркулеса, чтобы, оторвавъ его отъ земли, задушить на воздухѣ. Къ великому счастью, правительство Николая II-го, этого пигмея, не обладало такой силой: оно не въ состояніи было оторвать рабочихъ отъ ихъ родной стихіи—революціонной борьбы за освобожденіе,—борьбы, дававшей имъ все новыя и новыя творческія силы, несмотря на всѣ

ухищренія правительства, въ видѣ «зубатовщины», «ушаковщины», «гапоновщины», несмотря на всѣ тѣ рогатки и препоны, которыя ставились правительствомъ на пути рабочаго движенія.

Движеніе росло и ширилось, замирало и опять возникало съ новой силой, вновь замирало и опять возрождалось, пока не вышло, наконецъ, на широкій просторъ открытаго существованія.

Законъ «4 марта» объ обществахъ и союзахъ, будучи одной изъ многочисленныхъ правительственныхъ рогатокъ на пути профессіональнаго движенія, тѣмъ не менѣе давалъ союзамъ нѣкоторую возможность легальнаго, открытаго существованія. Тѣмъ временемъ, оживилась промышленность, задымили фабричныя трубы. Оживленіе промышленности сразу вдохнуло въ возродившіеся союзы жизнь, энергію, силу и боевой задоръ. Они начали организовывать стачечную борьбу, чтобы вырвать изъ рукъ ненавистныхъ капиталистовъ завоеванія, сдѣланныя уже, было, рабочими въ первый періодъ борьбы, но потомъ отнятыя у нихъ разсвирѣпѣвшей реакціей. Рабочіе объявили хозяевамъ новую войну и перешли въ наступленіе.

Особенно широко развернули въ то время свою боевую дѣятельность молодые, полные силъ и энергіи союзы рабочихъ, занятыхъ въ мелкой промышленности, а также союзы ремесленныхъ рабочихъ. Борьба проходила, въ общемъ, довольно успѣшно, но цѣликомъ вернуть утраченное союзы, конечно, не могли.

Описываемый періодъ профессіональнаго оживленія важенъ, однако, не столько борьбой рабочихъ противъ хозяевъ, сколько организаціонной работой союзовъ.

Въ первый періодъ («дни свободъ») былъ заложенъ фундаментъ союзнаго зданія, была начата и самая постройка; но, подъ ударами реакціи, каменщикамъ пришлось оставить свою работу до болѣе благопріятнаго времени. Зданіе удалось закончить, придавъ ему опредѣленную форму, лишь въ описываемый періодъ, почему послѣдній справедливо можно назвать періодомъ окончательнаго сформированія профессіональныхъ союзовъ.

Союзы сложились по образцу западно-европейскихъ, нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ. Массы не проявили, такимъ образомъ, самостоятельнаго творчества въ области созданія формы профессіональной организаціи. Но это далеко не значитъ, конечно, что въ то время рабочіе были неспособны къ творчеству, или что хозяйственныя условія страны не требовали какой-либо иной формы организаціи. Дѣло объясняется тѣмъ, что тогда въ союзномъ движеніи безраздѣльно господствовала с.-д.-тія, гипнотизируя рабочихъ своими догмами и пріемами. Соц.-демократія навязала русскимъ рабочимъ централистскую форму организаціи, копируя, какъ всегда, болѣе старую и мощную нѣмецкую форму.

Построивъ союзы въ нѣмецкомъ стилѣ, архитекторы и каменщики профессіональнаго движенія начали строить, въ томъ же стилѣ, объединеніе этихъ союзовъ. И хотя окрѣпшая къ тому времени реакція снова принялась за преслѣдованія,—однако, дальнѣйшее объединеніе отдѣльныхъ союзовъ въ мѣстномъ, областномъ и, наконецъ, всероссійскомъ масштабѣ совершилось очень быстро. Въ теченіе такого короткаго срока, какъ 1½ года, профессіональные союзы сумѣли не только объединиться и прочно укрѣпиться, но и усвоить себѣ опредѣленную тактику, выработанную ихъ нѣмецкими собратьями.

Разогнана І-я Гос. Дума. Такая же участь постигаетъ вторую. Появляется знаменитый законъ 3-го іюля. Реакція крѣпнетъ, губя своимъ ядовитымъ дыханіемъ все свѣжее и молодое.

Началась новая безпросвѣтная ночь; наступило опять «темное царство» реакціи. Какъ вихрь, налетѣлъ и небывалый по размѣрамъ промышленный кризисъ. Повѣяло холоднымъ дыханіемъ смерти. Профессіональное движеніе пошло на убыль: начался развалъ... Безработица, произволъ, тупое равнодушіе массъ, явившееся результатомъ мертвящей атмосферы,—дѣлали свое дѣло: косили союзъ за союзомъ...

«О, поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями?»

Оставшіеся кое-гдѣ, преимущественно въ крупныхъ городахъ, союзы влачили жалкое существованіе. Разбитая соціальдемократія ушла въ подполье. Партійная интеллегенція отхлынула отъ союзовъ, предоставивъ ихъ самимъ себѣ.

Отмѣтимъ здѣсь же, что этотъ уходъ партійныхъ работниковъ-политикановъ нѣсколько оздоровилъ союзную атмосферу. Рабочіе, предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, волей-неволей должны были проявить иниціативу (починъ) въ дѣлѣ профессіональнаго строительства. И они вышли съ честью изъ испытанія. Они не дали окончательно умереть своимъ организаціямъ и впослѣдствіи вывели ихъ на новую дорогу. Уходъ партійной интеллегенціи измѣнилъ условія дѣятельности профессіональныхъ союзовъ и позволилъ рабочимъ, несмотря на свистѣвшій надъ ихъ головой кнутъ реакціи, подготовить и выдвинуть свою рабочую интеллегенцію, собственный боевой, самодѣятельный авангардъ защитниковъ революціи.

Однако, въ общемъ, въ то время въ Россіи царила темная, холодная, душу леденящая ночь реакціи. Все и все было погружено въ глубокій, непробудный сонъ. Одинъ только обывательскій храпъ нарушалъ тишину и больно билъ по нервамъ... Ничто не предвѣщало пробужденія. Не было никакой надежды на проблескъ свѣтлаго луча въ этомъ «темномъ царствѣ»...

Но, тѣмъ временемъ, далеко-далеко, на востокѣ, въ глухомъ мѣстечкѣ на Ленѣ собирались грозовыя тучи. И вотъ, накопленная электрическая энергія разрядилась; грянулъ громъ.

На Ленѣ пролилась кровь.

И только этотъ громъ разбудилъ спящихъ. Только эта невинная кровь промыла заспанные глаза обывателя и дала ему возможность осмотрѣться кругомъ. И увидѣлъ онъ тогда всю мерзость, всю гнусность, всю приниженность своего рабьяго положенія.

Глухой ропотъ недовольства и озлобленія прокатился по рядамъ обывателей и проснувшихся рабочихъ, ободренныхъ, къ тому же, вновь начавшимся промышленнымъ подъемомъ.

Рабочее движеніе вступало въ новый періодъ своего развитія. Рабочія организаціи стали готовиться къ новымъ битвамъ.

Гр. Максимовъ.

Главный козырь революціи.

Однимъ изъ острѣйшихъ, насущнѣйшихъ вопросовъ развертывающейся русской революціи является вопросъ о томъ, *сможетъ или не сможетъ* эта революція превратиться въ революцію *соціальную*? Сможетъ или не сможетъ она, послѣ всѣхъ бурь и передрягъ, завершиться полной, исчерпывающей побѣдой труда надъ капиталомъ, общественности надъ личнымъ произволомъ имущихъ и властвующихъ?

Расхожденіе въ этомъ основномъ вопросѣ составляетъ одну изъ причинъ распыленности, разбросанности идейно-соціалистическихъ силъ страны.

Мы считаемъ, поэтому, не безполезнымъ остановиться, въ сжатыхъ чертахъ, на нѣкоторыхъ весьма реальныхъ данныхъ, сумма которыхъ даетъ намъ серьезный поводъ думать, что революція наша *можетъ*, въ ходѣ своего естественнаго развитія, перейти въ революцію *соціальную* и завершиться паденіемъ капиталистической системы и всѣхъ, связанныхъ съ нею, политическихъ, общественныхъ и иныхъ формъ и отношеній.

Очагъ революціи охватываетъ страну, занимающую шестую часть суши земного шара и насчитывающую 170 милліоновъ населенія.

Острое революціонное состояніе этой страны, при которомъ болѣе или менѣе обезпечена свобода агитаціи, пропаганды и организаціонной работы, будетъ неизбѣжно *длительнымъ*.

Этому длительному революціонному процессу предстоитъ быть процессомъ, по существу своему, *созидательнымъ*, т. е. процессомъ исканія и стройки новыхъ основъ и формъ существованія.

Въ этомъ исканіи, въ этой стройкѣ неизбѣжно примутъ живое участіе *милліоны и милліоны людей*, выбитыхъ (войной и дальнѣйшими событіями) изъ «нормальной», обывательской, мѣщанской колеи и властно брошенныхъ, силою вещей, въ водоворотъ общественной жизни, общественныхъ исканій, общественнаго дѣла. Нѣтъ семьи, которая не была бы затронута событіями. Нѣтъ человѣка, который не былъ бы «растормошенъ» ими. Нѣтъ такого угла, населеніе котораго не чувствовало бы неумолимой *необходимости* разобраться въ окружающемъ и принять участіе въ поискахъ выхода изъ создавшагося положенія.

«Магнитная стрѣлка» революціи тянется къ болѣе или менѣе отчетливой идеѣ уничтоженія капиталистическаго строя; причемъ, въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи, эта идея будетъ неизбѣжно, съ большой быстротой, распространяться на широкія массы населенія, становясь все болѣе и болѣе ясной, превращаясь, все болѣе и болѣе опредѣленно, въ *практическую задачу дня*.

Процессу этого быстраго *наростанія идеи и сознанія*, равно какъ процессу этого превращенія идеи въ *реальную задачу*, помогутъ, въ значительной степени, разсѣянныя по всей странѣ идеологическія силы.

Современное *развитіе печатнаго и книжнаго дѣла*, въ связи съ острой *потребностью въ грамотности и чтеніи* у милліоновъ, властно привлеченныхъ къ общественнымъ дѣламъ и задачамъ, людей, а также наличность современныхъ *средствъ передвиженія, сношенія и сообщенія*—помогутъ, съ своей стороны, наростанію, распространенію и, наконецъ, осуществленію идеи-магнита Революціи.

Въ аграрной области соціальная революція (т. е. *экспропріація земли*, въ тѣхъ или иныхъ формахъ)—неизбѣжна. И есть серьезныя основанія думать, что, въ связи со всѣми другими условіями, соціальная революція въ области земельнаго вопроса перейдетъ, столь же неизбѣжно, въ революцію промышленную и обще-хозяйственную.

Весь этотъ, находящійся въ такихъ—совершенно исключительныхъ — условіяхъ, «центральный» очагъ длительной революціи окруженъ (условіе тоже совершенно исключительное) добрымъ десяткомъ другихъ, большихъ и малыхъ, очаговъ, населеніе которыхъ тоже выбито (войной) изъ нормальной колеи и подготовлено къ революціи; причемъ «зараза» революціи, зараза событіями дня перебрасывается изъ одной страны въ другую съ необычайной быстротой, благодаря развитію печати, путей и средствъ сообщенія и сношенія.

Таковы тѣ основные «шансы» нынѣшней революціи, которые рѣзко отличаютъ ее отъ всѣхъ, безъ исключенія, прошлыхъ революцій, и общая сумма которыхъ съ достаточной, — кажется намъ, — краснорѣчивостью говоритъ за возможность перехода *именно этой* революціи въ революцію соціальную.

* *

Но всѣ эти «шансы» и данныя, даже взятыя вмѣстѣ, пріобрѣтаютъ, въ нашихъ глазахъ, дѣйствительно рѣшающее значеніе лишь тогда, когда мы принимаемъ во вниманіе еще одинъ, «вѣнчающій дѣло», самый главный, самый крупный «козырь» происходящей нынѣ революціи.

Вдумайтесь серьезно въ характеръ тѣхъ *задачъ, потребностей, вопросовъ и интересовъ*, которые, въ ходѣ и въ результатѣ развертывающихся событій, уже встали и еще встанутъ въ будущемъ *передъ многомилліонными массами населенія* (не только Россіи, но почти всего міра) *вездѣ, на мѣстахъ, по городамъ и весямъ необъятныхъ территорій, по самымъ глухимъ угламъ,—всюду, гдѣ только живутъ и трудятся люди*.

Присмотритесь внимательно къ тому общему положенію вещей, передъ которымъ неумолимо очутятся, въ итогѣ событій, тысячи и тысячи людей на мѣстахъ.

Задача ликвидаціи самой войны. Связанная съ этой ликвидаціей огромная задача возстановленія всего разрушеннаго земледѣльческаго, промышленнаго, финансоваго, общественнаго и всякаго иного «уклада». Цѣлый рядъ задачъ, вытекающихъ изъ состоянія полнѣйшей продовольственной и обще-хозяйственной разрухи, приведшей къ крайнему недостатку и сказочной дороговизнѣ однихъ, къ полному отсутствію другихъ необходимыхъ продуктовъ.

При этомъ—призракъ подлиннаго голода. Призракъ полнаго финансоваго истощенія и банкротства. Запутанность долговыхъ обязательствъ и платежей по займамъ. Неизбѣжность громадныхъ налоговъ. Общее запустѣніе и обезлюденіе страны, и—мало ли что еще!..

Жизнь огромныхъ человѣческихъ массъ, жизнь каждой отдѣльной, составляющей эти массы, единицы—не только выбита изъ колеи: она приведена, во всѣхъ отношеніяхъ, въ состояніе полнаго развала, полнаго разстройства, полнаго хаоса и ужаса... Жизнь стала сплошнымъ бѣдствіемъ, несчастьемъ. Жизнь опустѣла, истощилась, обезкровилась...

И это общее запустѣніе жизни захватило всѣ углы, всѣ клѣточки организма страны.

И на этой-то ужасной, истощенной почвѣ выростаютъ передъ населеніемъ задачи фантастической глубины и сложности.

Достаточно хоть мелькомъ взглянуть на это положеніе вещей, чтобы ясно увидѣть, что *каждая такая задача, уже сама по себѣ, громадна; что такихъ задачъ имѣется не одна и не двѣ, а много*; и, наконецъ, что всѣ онѣ, въ приложеніи къ разнохарактернымъ мѣстностямъ громадной страны, превращаются на мѣстахъ *въ тысячи отдѣльныхъ, разнообразнѣйшихъ задачъ, нуждъ и потребностей, крайне спутанныхъ, сложныхъ и переплетающихся между собой*.

И это еще не все. Въ то самое время, какъ запустѣвшая, расхлябанная, разоренная жизнь представитъ такъ мало возможностей для болѣе или менѣе быстраго и удовлетворительнаго планомѣрнаго, «сверху внизъ» рѣшенія всѣхъ этихъ задачъ,—*стремленіе населенія къ скорѣйшему и полнѣйшему ихъ рѣшенію будетъ — вездѣ на мѣстахъ — чрезвычайно острымъ*. Всѣ выдвинутыя жизнью, насущныя потребности будутъ повсюду обострены и напряжены до крайней степени. Измученное, изголодавшееся населеніе будетъ болѣзненно ждать удовлетворенія своего [illegible] своихъ нуждъ, своихъ запросовъ и требованій...

Вдумайтесь,—говоримъ мы,—серьезно во всю эту *дѣйствительность*, во всю эту задачу, и—попробуйте сравнить ее съ тѣми обычными *пріемами, способами и путями рѣшенія*, описанія которыхъ мы такъ привыкли встрѣчать въ программахъ, проектахъ и предположеніяхъ всѣхъ существующихъ міросозерцаній, теченій и партій, включая соціальдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ.

Учредительное Собраніе. Законодательное Собраніе... *Центръ*; точка, въ которую съѣдутся 2—3 тысячи «представителей», для разрѣшенія и удовлетворенія всѣхъ вышеочерченныхъ задачъ, нуждъ, потребностей и бѣдъ многомилліоннаго, до дна взбаламученнаго населенія огромной страны.

Не становится ли яснымъ,—при первомъ же сравненіи задачи съ намѣчаемыми попытками ея рѣшенія,—*громадное, кричащее несоотвѣтствіе между тѣмъ и другимъ*? Несоотвѣтствіе между насущнѣйшими, разнообразнѣйшими и острѣйшими нуждами, интересами, запросами, требованіями и задачами громадной, *вырвавшейся на волю*, жизни милліоновъ людей на мѣстахъ, и—маленькой, ничтожной, центральной точкой, придуманной для разрѣшенія, примиренія и удовлетворенія всѣхъ этихъ задачъ, интересовъ и потребностей...

Какимъ жалкимъ, безсильнымъ, слѣпымъ, искусственнымъ и... глупымъ выглядитъ въ результатѣ сравненія, весь этотъ проектъ рѣшенія *такой задачи* изъ центра, изъ одной точки! Какое поистинѣ траги-комическое впечатлѣніе производитъ это несоотвѣтствіе!..

Баллада.

Въ невѣдомой и чудной глубинѣ лѣсовъ завѣтныхъ —
Таинственныхъ и заповѣдныхъ рощъ,
Чью безмятежную, чью дѣвственную мощь
Тревожитъ лишь гроза небесъ—глубинъ отвѣтныхъ,
Богами древности вознесенъ великій храмъ.

Онъ, тлѣнью неподвластенъ, къ небесамъ
Взметаетъ и теперь причудливые своды.

Вокругъ—бѣгутъ, бѣгутъ безжалостные годы...

Далекъ отъ міра, чуждъ остался онъ стенаньямъ и громамъ
Жестокой жизни...
Тонкій фиміамъ
Его курильницъ по украшеннымъ стѣнамъ
Змѣится, чуть алѣя...
Нѣжно розовѣя
Роскошнымъ мраморомъ безчисленныхъ колоннъ,
Какъ юный богъ, прекрасенъ, обнаженъ,
Овѣянъ нѣгою, трепещетъ, дышитъ онъ
Въ лучахъ предутреннихъ... Покровомъ золотистымъ
Онъ облекается въ сіяньѣ яркомъ дня...
И ввечеру, въ лучахъ прощальнаго огня,
Задумчивъ, онъ горитъ въ плащѣ огнистомъ.

* *

Онъ безучастенъ горестямъ земнымъ.
Онъ чуждъ земной тревоги. Какъ во дни Эллады,
Все той же тишины, молитвы и отрады —
Подъ тѣмъ же небомъ, вѣчно-голубымъ—
Исполнены его лазурные чертоги.

Когда-то, юностью придуманные боги
Здѣсь совершали таинства свои...
Но пробилъ часъ боговъ!.. И боги отошли,
Осмѣяны, отъ выросшей земли...
И лишь для избранныхъ, въ порывѣ сожалѣнья,
Въ завѣтъ оставили любимое творенье,

И заповѣдали избранникамъ—обречь
Его молитвамъ вдохновеннымъ; и беречь
Отъ прозы жизни творческую рѣчь.

* *

Волнуется стихіей неприступной
Вокругъ него деревъ шумящій океанъ.
И смертному земныхъ, тревожныхъ странъ
Онъ грезится вдали мечтою недоступной.

Пусть смертный ползаетъ во прахѣ и пыли!
Пусть въ суету суетъ мятущейся земли
Онъ погруженъ, глупецъ и рабъ презрѣнный...
Нѣтъ, нѣтъ! Не для него сверкаетъ храмъ нетлѣнный.
Не для него чертогъ благословенный
Въ лѣсахъ Эллады боги вознесли!..

Сплетаются вѣтвей зеленыя громады
И чутко стерегутъ наслѣдіе Эллады.
И храмъ боговъ живой стѣною обнесенъ.
И доступъ смертному ко храму запрещенъ.

* *

И въ этотъ тихій храмъ, какъ вихрь, ворвался я!

. . . .

Отъ юныхъ дней меня пила мечта моя...
Сквозь чащу бѣшено рубясь, израненъ, окровавленъ,
Одинъ, моимъ невѣрнымъ силамъ предоставленъ
И ихъ теряя къ дню и ото дня,
Въ бою лишился я любимаго коня;
Затѣмъ, мой славный мечъ былъ межъ вѣтвей оставленъ;
Изорванъ въ клочья сталъ мой дорогой кафтанъ...
И вотъ, какъ былъ, безуменъ, дерзокъ, смѣлъ, надеждой осіянъ,—
Босой, покрытый грязью, пылью, потомъ,—
Я подошелъ къ таинственнымъ воротамъ.

И, распахнувъ, вошелъ, не постучась...

Вошелъ. И передъ дивной красотою
Не растерявшись дерзости моей и не склонясь
Моей мятежной головою,
Остановился, гордый силою моей и правотою.
И, очарованный, смотрѣлъ по сторонамъ...

. . . .

Но сверху до низу заколебался храмъ.
И въ бурѣ я услышалъ чей-то голосъ странный.

Онъ говорилъ:

—„Скажи, кто ты, пришлецъ незваный,
„Дерзнувшій оскорбить святыню этихъ мѣстъ?

„Ты, святотатецъ жалкій!.. Слышишь—все окрестъ
„Возмущено ужаснымъ оскорбленьемъ?..
„И проклятъ будешь ты, рожденный преступленьемъ...

. . . .

„Скажи, зачѣмъ ты предо мной предсталъ?“

Сдержавъ негодованье, молча я стоялъ—
Могучъ, непобѣдимъ въ своемъ великомъ правѣ.

И, наконецъ, спокойно отвѣчалъ:

„—Я—рабъ земли. Но о твоей державѣ
„Я съ юныхъ лѣтъ со страстію мечталъ...
„Я рабъ земли, вспоенъ ея судьбою.
„И я пришелъ сюда—не ссориться съ тобою:

„Я жизнь сюда принесъ!..
Земныхъ тревогъ
„Я сталъ давно глашатай вдохновенный.
„И я пришелъ молиться въ твой чертогъ,
„И я хочу, чтобъ сталъ его порогъ
Открытымъ для вселенной...

„Я жизнь, волшебницу непознанныхъ красотъ
„Сюда принесъ—со всею роскошью ея святыхъ исканій,
„Ея молитвъ и бурь, скорбей и упованій,
„Паденій сумрачныхъ и солнечныхъ высотъ...
„Я жизнь сюда принесъ — съ ея тоскою вѣщей,
„Съ ея неправдою, съ ея борьбой зловѣщей,
„Со всѣмъ безуміемъ и ужасомъ ея...

. . . .

„И храма для земли взыскую я!..

„Пора землѣ воспѣть свои боренья!
„Свою красу—мечту освобожденья...
„Здѣсь долженъ я творить—я, рабъ и сынъ раба,
„И будетъ пѣснь моя—моя судьба“...

И голосъ произнесъ:
— „Я узнаю тебя,
„Отверженный пѣвецъ мятежныхъ вожделѣній.
„Скажи, зачѣмъ на ложный путь направилъ ты свой геній?
„Зачѣмъ ушелъ къ рабамъ, молитвы возлюбя?..

„Не ты ли самъ отрекся пѣснопѣній?
„И нынѣ—не забылся ль ты, пѣвецъ?
„Тебѣ ль къ лицу молитвенный вѣнецъ?
„Тебѣ ли, рыцарю земныхъ бореній?

„Здѣсь ищутъ нѣжныхъ формъ и тонкихъ вдохновеній...
„Здѣсь мѣсто избраннымъ. Здѣсь мѣста нѣтъ землѣ!..
„Вернись! Вернись назадъ и пребывай во мглѣ.
„Молитвъ не оскверняй житейской прозой...
„Иди... Не стану оскорблять тебя угрозой...
„И мирно говорю, на сердце руку положа:
„Пѣвцамъ возстанья, гнѣва, мятежа,
„Земли и бунта—нѣтъ сюда дороги...
„И знай: ослушника караютъ боги...“

. . . .

Но въ бѣшенствѣ я крикнулъ:
— „Замолчи!..
„Явился я сюда, чтобъ погасить лучи
„Твоихъ ничтожныхъ и безсмысленныхъ твореній...
„Вамъ не по сердцу здѣсь земли мятежный геній?
„Такъ силой я возьму завѣтные ключи!..
„Вы слишкомъ долго правили чертогомъ.
„Онъ насъ теперь зоветъ, былыхъ враговъ!..
„Я здѣсь, чтобъ васъ изгнать. Чтобъ новымъ жалкимъ богомъ
„Не замѣняли вы развѣнчанныхъ боговъ...

„Есть въ мірѣ красота: поруганнаго міра—
„Рабовъ святая жажда... И она
„Величія и истины полна.
„Да будетъ же божественная лира
„Отнынѣ ей посвящена!..
„Есть греза чудная: мечта о счастьѣ
„Земли томящихся сыновъ...
„Мы воспоемъ величье нашихъ сновъ
„И красоту грядущаго безвластья...

„Онъ нашъ, великій храмъ!.. Онъ намъ—
„Отверженнымъ—принадлежитъ по праву.
„Великой битвѣ воспоемъ мы славу,
„И гимнъ поднявшимся рабамъ!
„И будетъ здѣсь сіять краса иная,
„Какую проклялъ ты, ея не зная:
„Краса неложная, могучая, святая
„Въ ея порывѣ къ новымъ небесамъ“.

. . . .

И къ алтарю я кинулся, незваный,
Къ борьбѣ, неумолимой и желанной,
Готовый...

Но—воскликнулъ голосъ:
— „Пусть. Да будетъ такъ.
„Ты побѣдилъ, пѣвецъ! Ты призванъ судьбою...
„Не распахнулись ли врата передъ тобой?
„И я не понялъ ли тогда же вѣщій знакъ?..

„И если спорилъ я, — прости мнѣ возмущенье,
„Души встревоженной невольное движенье...

. . . .

„Ты побѣдилъ, пѣвецъ грядущихъ дней!
„Отнынѣ ты твори, и ты владѣй...
„Я ухожу... Я призванъ въ міръ тѣней...
„Тѣ побѣдили...“

И вновь заколебались своды.
И съ шумомъ рухнули сплетенія вѣтвей
И дрогнули замки безчисленныхъ дверей...
И, какъ весною трепетныя воды,
Толпы тоскующихъ и жаждущихъ людей
Ко храму хлынули...

И загорѣлся храмъ мечтою новой—
Живою, радужной, сверкающей мечтой...
Вознесся выше онъ вершиной золотой,
И загудѣлъ призывно надъ землей,
Будя сердца набатомъ пламеннаго зова...
И дольній міръ борьбы жестокой и суровой
Благословилъ нежданной красотой.

В. З.

февр. 1916.

Заглянемъ на минутку въ прежнія революціи.

Никогда, нигдѣ, ни одно Учредительное Собраніе не могло удовлетворить и не удовлетворило нуждъ, потребностей и задачъ *всей массы населенія*, точнѣе говоря—*трудящейся массы*. Каждое Учредительное Собраніе удовлетворяло лишь небольшую часть населенія—имущихъ.

Когда же массы, не получивъ удовлетворенія, выходили на борьбу за все то, чего онѣ напрасно ждали отъ «точки»,—бывало поздно. Новое насиліе становилось на ихъ пути.

Вотъ почему, неудовлетворенность массъ въ прежнихъ революціяхъ выражалась лишь вспышкой озлобленія, но не переходила въ *дѣйствіе*, не направлялась въ *созидательное русло*.

Совсѣмъ иное дѣло—сейчасъ, въ этой революціи.

Если мы, анархисты, *всегда* находили ребяческой идею организаціи «соціалистическаго государства», т. е. устроенія новой жизни, при помощи захваченной партіей политической власти, изъ центра; если мы всегда считали компрометирующей истиннаго соціалиста вѣру въ такой, абсолютно не соціалистическій методъ рѣшенія,—то тѣмъ болѣе нелѣпой представляется намъ мысль, что въ *данной революціи* удастся, при помощи «диктатуры пролетаріата», захвата власти и центральнаго (пролетарскаго!) правительства, притти къ соціалистическому перевороту. Мы должны сознаться, что больше понимаемъ, въ этомъ случаѣ, тѣхъ соціалистовъ (*государственниковъ*), которые *въ «настоящій день»* не вѣрятъ въ возможность такого соціалистическаго переворота. Они инстинктивно чувствуютъ эту невозможность, такъ какъ самый переворотъ они мыслятъ централистически. Разница между ними и нами, во-первыхъ, та, что они вѣрятъ въ далекую, нѣкогда, возможность такого переворота,—мы же думаемъ, что имъ такъ и не суждено когда-либо дожить до «настоящаго дня»; а во-вторыхъ, та, что изъ нынѣшней невозможности они видятъ лишь одинъ выходъ — буржуазно-демократическую республику.

Мы же предвидимъ, какъ предвидѣли и всегда, совершенно иную возможность.

Ни Учредительное Собраніе, ни какое бы то ни было иное правительство не сможетъ удовлетворить интересовъ и потребностей всего населенія. Несоотвѣтствіе между задачей и способомъ рѣшенія станетъ реальностью, фактомъ. И, рано или поздно, населеніе пойметъ это. Быть можетъ, пойметъ не сразу. Быть можетъ, нѣкоторое время подождетъ. Быть можетъ, временно успокоится на побѣдѣ центральнаго соціальдемократическаго органа власти... Но, въ концѣ концовъ, оно неминуемо убѣдится въ безвыходности положенія и въ невозможности добиться удовлетворенія такимъ путемъ.

Тогда, не получивъ удовлетворенія изъ центра, массы, — *въ обстановкѣ нынѣшней революціи*,—неизбѣжно возьмутся сами, на мѣстахъ, за рѣшеніе всѣхъ ея задачъ.

Они выдвинутъ и создадутъ на мѣстахъ, изъ собственныхъ нѣдръ, необходимыя имъ для этой цѣли организаціи, свяжутъ ихъ между собою и приступятъ къ свободному переустройству жизни.

Тогда революція перескочитъ черезъ головы глубокомудрыхъ соціалистовъ «въ футлярѣ», какъ она перескочила черезъ головы кадетовъ, называвшихъ еще недавно «бреднями» ту самую республику, которой они теперь «служатъ».

Ибо, если народъ *самъ* — повсюду, на мѣстахъ—начнетъ рѣшать вопросы революціи и творить новую жизнь, то онъ, внѣ всякихъ уже сомнѣній, будетъ совершать *революцію соціальную*, приступая, при помощи своихъ массовыхъ организацій, къ повсемѣстной экспропріаціи и переустройству. Причемъ,—*въ обстановкѣ данной революціи*,—своя, внутренняя армія не станетъ противодѣйствовать ему, а окружающія страны загорятся сочувствіемъ и стремленіемъ подражать ему...

Неизбѣжное разочарованіе массъ во всякой попыткѣ вывести нынѣшнюю революцію изъ тупика на большую дорогу при помощи центральнаго правительства, и, въ результатѣ, неминуемый приступъ къ самостоятельному, на мѣстахъ, рѣшенію всѣхъ задачъ этой революціи,—при содѣйствіи арміи и сочувствіи окружающихъ народовъ, — мы и считаемъ «главнымъ козыремъ» этой революціи.

Волинъ.

(Нью-Іоркскій «Голосъ Труда», № 137, май 1917 г.).

Всемірное самодержавіе.

Есть люди, думающіе, что, съ паденіемъ династіи Романовыхъ въ Россіи, самодержавіе испустило духъ.

Есть люди, считающіе, что война перешла теперь въ новую стадію—стадію борьбы „демократій“ противъ варварской Германіи.

Какъ это ни странно,—находятся и *рабочіе*, говорящіе о томъ, что трудящіеся всѣхъ „союзническихъ“ странъ должны теперь заключить тѣсный союзъ со своими „демократическими“ правительствами и дружнымъ натискомъ сломить, во что бы то ни стало, „нѣмецкое самодержавіе“.

И всѣ эти люди ждутъ отъ побѣды надъ нѣмецкими арміями великихъ благъ и возможностей...

Они забываютъ о томъ, что *политическое* самодержавіе Николая II-го (или полу-самодержавіе Вильгельма)—ничтожный, мелкій фактъ, по сравненію съ могучимъ, всесокрушающимъ всемірнымъ *самодержавіемъ капитала*, царящимъ надъ всей угнетенной и страдающей землей. Они забываютъ о томъ, что капиталисты,—собственники и хозяева земныхъ богатствъ, — вотъ истинные самодержцы міра... Тысячью голосовъ кричитъ имъ объ этомъ, изо дня въ день, вся окружающая жизнь. Во всѣхъ странахъ, милліоны рабовъ стонутъ и гибнутъ въ когтяхъ самодержавнаго хищника—многоголоваго, всемірнаго капитала. И они имѣютъ глаза, чтобы видѣть, и—не видятъ. И уши имѣютъ, чтобы слышать, и—не слышатъ.

Товарищи! Трудящимся рабамъ земли нисколько не легче отъ того, что *политическая форма самодержавія разрушена въ Россіи*. И не станетъ имъ легче отъ того, что торжествующій французскій, англійскій, русскій и американскій капиталъ еще прочнѣе, еще наглѣе воцарится на землѣ послѣ „побѣды надъ кайзеромъ“.

Въ своей борьбѣ за человѣческую жизнь, *трудящіеся* имѣютъ,—во всѣхъ, безъ исключенія, странахъ,—другого, болѣе ужаснаго, хитраго и сильнаго врага: *самодержавіе экономическое*.

Какъ и политическіе самодержцы, совершенно такъ же и владѣльцы земныхъ богатствъ предоставляютъ *свободу* только своимъ приверженцамъ,—только тѣмъ, которые подчиняются имъ, поддерживаютъ ихъ, согласны съ ними, не мѣшаютъ имъ насиловать, угнетать, эксплоатировать. Самодержцы-капиталисты расправляются съ *борющимися противъ нихъ* рабами такъ же безпощадно и жестоко, какъ самодержцы-цари.

Самодержавіе *политическое* было наростомъ, *лишнимъ нарывомъ* на истерзанномъ тѣлѣ Россіи. Самодержавіе *экономическое*—вотъ *всемірный, истинный врагъ всѣхъ трудящихся*.

Самодержцы-капиталисты англійскіе, французскіе, американскіе и иные расправляются и будутъ расправляться со своими недовольными рабами тѣми же мѣрами, какими русскіе цари боролись со своими недовольными подданными.

Борьба рабочихъ есть борьба противъ всемірнаго самодержавія капитала. Эта борьба должна неустанно, стойко вестись до конца,—вездѣ, гдѣ есть самодержцы-капиталисты и подчиненные имъ рабы. *Эта* борьба есть задача дня для рабовъ Англіи, Франціи, Германіи, Америки, Азіи...

Русскіе рабочіе сломили *первое препятствіе*—нелѣпое, дикое *политическое самодержавіе*. Если они не хотятъ завтра же стать рабами другого самодержавія — *самодержавія всемірнаго*, самодержавія истинныхъ хозяевъ земли, владѣльцевъ богатствъ земныхъ, то они должны тотчасъ же примкнуть къ борьбѣ сознательныхъ рабовъ другихъ странъ, къ борьбѣ всемірнаго рабства противъ всемірнаго самодержавія. *Они должны продолжать начатую борьбу*. Они должны добить многоголоваго врага.

Рабочіе-интернаціоналисты! Рабочіе-братья по всей землѣ! Ваше горе—вездѣ одинаково. Ужасъ вашей жизни—вездѣ одинъ и тотъ же. *Вашъ врагъ—одинъ во всѣхъ странахъ*. Боритесь же съ нимъ вездѣ тамъ, гдѣ вы влачите вашу жалкую жизнь. Боритесь съ нимъ вездѣ, гдѣ онъ держитъ васъ въ цѣпяхъ рабства. Разрывая *эти* цѣпи, вы будете становиться свободными. Разрывая *эти* цѣпи, вы будете становиться могучими и непобѣдимыми. Разрывая *эти* цѣпи, вы будете наносить смертельные удары подлинному всемірному самодержавію на землѣ.

Каждый въ своей странѣ,—вставайте противъ *своего* самодержавія. Бейте врага тамъ, гдѣ онъ передъ вами. И если гдѣ-нибудь, въ какомъ-нибудь уголкѣ земного шара, вы, рабы, сокрушите *этого* врага, то *дрогнетъ въ ту же минуту самодержавіе во всемъ мірѣ*. Рабы въ другихъ земляхъ поддержатъ васъ. Рабы въ другихъ странахъ подымутся тогда на *своего* врага. И вмѣстѣ съ осколками разбитыхъ цѣпей, падетъ тогда о-земь и то оружіе, которымъ вы, братья-рабы, по приказу всемірныхъ самодержцевъ, убиваете другъ друга.

Знаемъ, что *трудно*, очень трудно подняться вамъ, рабы другихъ странъ. Слишкомъ мало васъ, передъ лицомъ всѣхъ тѣхъ, кому не по дорогѣ съ вами... Но нынѣ—врагъ вашъ поколебленъ и ослабленъ. Но нынѣ—расшатаны цѣпи ваши. Но нынѣ—жизнь, *сама жизнь* каждый день бросаетъ въ ваши ряды новыя тысячи и тысячи недовольныхъ... И все уменьшается пропасть между вами и другими. И становитесь вы все менѣе и менѣе одинокими, все болѣе и болѣе сильными... Мы знаемъ, мы видимъ, мы чувствуемъ это. И—знаемъ мы—уже дрогнули вы повсюду... И мы трепетно ждемъ. Ибо нуженъ лишь толчокъ, чтобы порвались ваши цѣпи; чтобы, могучіе, подняли вы десницу на врага.

Русскіе рабочіе! Вамъ, *начавшимъ* великую борьбу и сбросившимъ первую преграду,—вамъ *легче продолжать бой*. Притихнетъ самодержавіе міра, когда узнаютъ самодержцы, что *вы не остановили борьбы*, что вы не хотите стать рабами новаго самодержавія. Притихнетъ оно, какъ уже притихло-было при первомъ шумѣ вашей борьбы. И тогда, легче будетъ встать рабамъ по всей землѣ! И встанутъ они, *ибо готовы встать*. И разобьютъ свои цѣпи. И освобожденный міръ рабовъ будетъ строить великую новую жизнь.

Нѣтъ для васъ другого пути, русскіе рабочіе. И если вы остановите бой; если вы откажетесь искать, творить, строить, объединяться и бороться; если вы останетесь разъединенными, робкими, колеблющимися, осторожными; если вы, не вѣря братьямъ вашимъ въ другихъ земляхъ, заключите союзъ съ вашими новыми самодержцами, то надолго, надолго еще останутся трудящіеся міра—*рабами всемірнаго самодержавія*.

Призракъ голода.

Положеніе Петроградскаго пролетаріата становится съ каждымъ днемъ все хуже и хуже.

Съ одной стороны, на него обрушивается всей своей тяжестью позорная политика Временнаго Правительства, спѣшащаго ликвидировать завоеванія, сдѣланныя рабочими въ первые дни революціи (ограниченіе свободы революціонной печати, свободы собраній и т. д.), а съ другой—растетъ ежедневно число закрываемыхъ фабрикъ, заводовъ, выбрасывающихъ на улицу, безъ всякихъ средствъ къ существованію, сотни и тысячи рабочихъ.

Сокращаетъ производство *заводъ Барановскаго*, расчитывая 1500 человѣкъ; причина—недостатокъ топлива.

Закрытъ совершенно *заводъ Лейбошица*, изъ-за отсутствія заказовъ.

О-во Металлическихъ заводовъ закрываетъ трубочное отдѣленіе, т. к. не предвидится полученіе заказовъ.

Заводъ Басевича окончательно закрывается—нѣтъ сырья (бѣлой жести).

Объявленъ полный расчетъ рабочимъ *Глухо-Озерскаго Цементнаго Завода*, причемъ заводоуправленіе мотивируетъ свое рѣшеніе закрыть предпріятіе полнымъ отсутствіемъ какихъ-бы то ни было заказовъ на цементъ.

Предстоитъ частичный или полный расчетъ рабочихъ на слѣдующихъ предпріятіяхъ: *Русско-Балтійскій Воздухоплавательный заводъ*; *заводъ Бр. Ваддеръ*; *Шлиссельбургскіе пороховые заводы*; *Кабельный заводъ Петичева*, и на цѣломъ рядѣ другихъ фабрикъ, мастерскихъ и заводовъ, включая сюда и такіе крупные, какъ *Путиловскій заводъ*, гдѣ къ расчету намѣчено 11.000 человѣкъ; *Обуховскій заводъ* (Колпино), *Новый и Старый Парвіаненъ*, *Сименсъ-Шукертъ* (Вас. Остр.) и другіе; а впереди—еще, еще и еще...

Измученные, изстрадавшіеся, обезсиленные хроническимъ недоѣданіемъ рабочіе Петрограда, отдавшіе дѣлу революціи «пять мѣсяцевъ голода и холода», стоятъ лицомъ къ лицу съ страшнымъ призракомъ голода, стучащимся уже въ двери ихъ убогихъ жилищъ.

Гдѣ же выходъ изъ этого положенія?

Временное Правительство безсильно сдѣлать что-либо полезное: оно все еще продолжаетъ безплодныя попытки нахожденія «живыхъ силъ» среди мертвой буржуазіи и полумертвой отъ страха обывательской интеллегенціи, а его Министерство Труда (вѣрнѣе, безсилія), хотя во главѣ его и стоятъ «товарищи-соціалисты», не могло придумать ничего лучшаго, какъ предложить голоднымъ рабочимъ жалкую каррикатуру: проэктъ о распредѣленіи живой рабочей силы, по которому классъ пролетаріевъ долженъ будетъ превратиться чуть-ли не въ крѣпостныхъ добраго стараго времени.

Такъ же безпомощенъ здѣсь и Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Эта «труба отъ граммофона Временнаго Правительства» все еще никакъ не можетъ рѣшить вопроса о томъ, кто кому пожалъ руку на Московскомъ Совѣщаніи: Бубликовъ ли Церетели, или Церетели Бубликову?

А время не ждетъ. Нужны немедленныя и рѣшительныя мѣры для предотвращенія надвигающихся на петроградскій пролетаріатъ ужасовъ голодной и холодной зимы...

Необходимо, чтобы сами рабочіе, черезъ свои фабрично-заводскіе комитеты и профессіональные союзы, немедленно поставили въ порядокъ дня вопросъ о борьбѣ съ наступающимъ бѣдствіемъ.

Необходимо теперь же энергичное углубленіе и расширеніе организованнаго контроля рабочихъ надъ производствомъ. И, наряду съ этимъ, долженъ быть брошенъ въ массы лозунгъ—требовать отъ Правительства немедленнаго декрета о страхованіи рабочихъ отъ безработицы за счетъ капиталистовъ. Необходимо, далѣе, поддержать это требованіе всѣми, находящимися въ рукахъ пролетаріата средствами, вплоть до всеобщей забастовки всего петроградскаго района.

Медлить нельзя теперь. Нужно дѣйствовать и дѣйствовать рѣшительно, если мы, дѣйствительно, не хотимъ захлебнуться во всѣхъ ужасахъ надвигающейся катастрофы.

Сергѣй Рощинъ

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Сестрорѣцкъ.

На прошлой недѣлѣ,—рабочіе сестрорѣцкаго оружейнаго завода пережили пріятный и торжественный день: мѣстной организаціей с.-д. (большевиковъ) былъ организованъ объединенный митингъ сестрорѣцкихъ и кронштадскихъ рабочихъ и матросовъ.

Во вторникъ, къ 12-ти часамъ дня, въ городъ прибыли кронштадскіе матросы и рабочіе и, во главѣ со своимъ оркестромъ, игравшимъ революціонные марши, направились къ мѣстному клубу «Пролетарій», гдѣ ихъ привѣтствовалъ одинъ изъ членовъ мѣстной с.-д. организаціи большевиковъ.

Въ 3 часа дня начался митингъ, въ такъ-называемыхъ «Дубкахъ». Выступали большевики. Митингъ былъ многолюдный и торжественный. День удался на славу, и солнце, словно сознательно, ласкало своими лучами взволнованныя лица всѣхъ этихъ, одушевленныхъ любовью къ свободѣ, братски настроенныхъ людей...

Было что-то величественное въ этой массѣ, собравшейся на вольномъ воздухѣ и внимательно прислушивавшейся къ рѣчамъ выступавшихъ ораторовъ. Чувствовалось, что тутъ зарождаются, независимо отъ организаторовъ, силы будущаго революціоннаго Интернаціонала, который будетъ силенъ не красочными резолюціями партійныхъ верховодовъ, а идейно-сознательнымъ творчествомъ самихъ массъ. Впечатлѣніе красивой силы производила эта масса въ ея праздничной одухотворенности, вызванной самой встрѣчей рабочихъ и солдатъ Кронштадта и Сестрорѣцка. Пролетарская солидарность, братская спайка чувствовалась остро...

Къ сожалѣнію, это торжественное и волнующее впечатлѣніе было нѣсколько ослаблено рѣчами выступавшихъ ораторовъ (за исключеніемъ перваго).

Члены будущей «партіи власти» выступали не какъ товарищи, а какъ будущіе государственные дѣятели и законодатели. Между прочимъ, выступленіе каждаго оратора сопровождалось, почему-то, перечисленіемъ всѣхъ его комитетскихъ титуловъ и чиновъ.

По какимъ-то соображеніямъ, составляющимъ тайну «высшаго командного состава» партіи большевиковъ, ораторы другихъ соціалистическихъ теченій не получали слова, въ томъ числѣ и анархисты.

Вообще, «высшій командный составъ» большевиковъ не очень-то доброжелательно относится къ выступленіямъ анархистовъ.

На одной изъ лекцій, устроенной нашей организаціей, выступившій съ возраженіями большевикъ договорился до того, что обѣщалъ анархистамъ весьма почетное мѣсто въ будущихъ соціалистическихъ тюрьмахъ.

Другіе большевики, за неимѣніемъ лучшей аргументаціи, говорятъ рабочимъ что-де анархисты—буржуазные реакціонеры и провокаторы, и совѣтуютъ имъ не увлекаться красивыми, но пагубными фразами оратора-анархиста.

Мѣстная пролетарская масса, однако, не раздѣляетъ этой точки зрѣнія «верховъ» и относится очень симпатично къ выступленіямъ и рѣчамъ ораторовъ-анархистовъ.

Хочется надѣяться, что сознательные рядовые члены мѣстной с.-д. организаціи повліяютъ на своихъ «верховодовъ» въ томъ смыслѣ, чтобы тѣ измѣнили неприличный тонъ свой по отношенію къ анархистамъ. Ибо такіе выкрики какъ «анархизмъ, это—реакція», «анархизмъ, это — провокація» и т. п., анархизма, конечно, не уничтожатъ, а лишь грязнятъ ту партію, отъ имени которой эти выкрики бросаются.

Ф. А.

Долгъ каждаго товарища подыскивать подписчиковъ для «Голоса Труда».

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Изъ недавняго прошлаго.

Я жилъ тогда въ Парижѣ. Жилъ уже не первый годъ, грустной жизнью эмигранта, въ тяжелой, удушливой атмосферѣ войны... Жилъ и работалъ. Работалъ и боролся, какъ умѣлъ, противъ ужаса и безумія войны, противъ кошмара нынѣшней жизни...

По долгу работы, мнѣ часто приходилось ѣздить загородной желѣзной дорогой, въ окрестности Парижа.

Садишься, бывало, въ вагонъ 3-го класса и тотчасъ оказываешься невольнымъ слушателемъ, а иногда и участникомъ злободневныхъ разговоровъ, разсужденій, толковъ и пересудовъ...

Сосѣди по вагону—рабочіе, приказчики, мелкіе служащіе, чиновники — съ присущими французскому обывателю ограниченностью, узостью и самоувѣренностью обсуждаютъ военное и политическое положеніе дѣлъ въ Россіи.

Сидишь рядомъ и слушаешь одну нелѣпость за другою, одинъ вымыселъ за другимъ; и всѣмъ существомъ чувствуешь, что переубѣдить этихъ людей—нельзя, что они неспособны понять истину...

Однажды, осеннимъ вечеромъ, вхожу въ вагонъ и занимаю мѣсто у окна. На слѣдующей станціи въ мое отдѣленіе забираются, съ шумомъ, смѣхомъ и руганью, восемь солдатъ, саперовъ. Усаживаются. Сбрасываютъ часть аммуниціи. Закуриваютъ. Нѣкоторые достаютъ изъ глубины кармановъ засаленныя газеты: «Матэнъ», «Пти Паризьенъ», «Эхо де Пари»... И начинается—русская политика...

— А все-таки, молодчина онъ, русскій царь, — говоритъ одинъ, пошаривъ въ газетѣ: самъ сталъ во главѣ войскъ, не какъ-нибудь... Онъ таки затянетъ нѣмчуру вглубь страны, и накладетъ потомъ этимъ нѣмцамъ... Будутъ помнить!..

— Небось, не обрадуются, — подхватываетъ другой: съ Россіей, братъ, шутки плохи!.. Отступаютъ-отступаютъ, да какъ тарарахнутъ сразу,—только держись!..

— Они свое дѣло прекрасно ведутъ, — авторитетно заявляетъ третій: затягиваютъ нѣмцевъ въ болото и не даютъ имъ перебросить войска сюда... Намъ этого только и надо пока-что...

Разговоръ принимаетъ общій характеръ. Воинственно-патріотическое настроеніе такъ и брызжетъ...

На ближайшей станціи въ вагонъ входитъ десятый пассажиръ — высокій, худой рабочій, еще не старый, съ смуглымъ, очень усталымъ, но умнымъ и энергичнымъ лицомъ, съ серьезно - сосредоточеннымъ взглядомъ большихъ, темныхъ, но странно-лучистыхъ глазъ... Онъ — съ работы. На немъ грязный, весь просаленный черный пиджакъ и потрепанный картузъ. За спиной—кожаная сумка съ инструментами.

Онъ тяжело опускается на скамью съ противоположной мнѣ стороны окна, снимаетъ сумку, присаживается въ уголъ вагона и быстрыми взглядами изъ-подлобья окидываетъ меня и солдатъ. Я инстинктивно чувствую въ немъ родного...

Солдаты продолжаютъ шумно толковать о войнѣ, ея ходѣ, причинахъ и послѣдствіяхъ...

Онъ прислушивается, и—я вижу, я не ошибаюсь—горькая, чуть замѣтная улыбка скользитъ по его губамъ.

Передъ второй остановкой онъ снова надѣваетъ свою сумку, оправляетъ картузъ и приготовляется сойти.

Но въ тотъ моментъ, когда поѣздъ со скрипомъ замедляетъ ходъ и передъ окнами вагона выравнивается усыпанная мелкимъ щебнемъ платформа, скудно освѣщенная газовыми фонарями, — онъ быстрымъ движеніемъ достаетъ изъ внутренняго кармана пиджака небольшую брошюрку въ желтой обложкѣ и, обратившись къ ближайшему отъ него солдату, серьезно-фамильярно говоритъ:

— Послушай, пріятель! Хоть вы тутъ всѣ и солдаты, но—я вижу—мало чего вы понимаете въ *политической* сторонѣ войны... Возьми-ка вотъ эту книжку... Почитайте ее всѣ... Она вамъ многое уяснитъ. — И бросивъ еще разъ бѣглый взоръ на меня, онъ быстро выходитъ изъ вагона.

Поѣздъ трогается.

— Что это такое?..—съ недоумѣніемъ и нѣкоторымъ недовѣріемъ спрашиваетъ вслухъ солдатикъ и громко читаетъ (конечно, по французски): «П. Кропоткинъ. Война»... Что такое Кропоткинъ?..

Онъ отворачиваетъ обложку, но вдругъ снова складываетъ книжку и передаетъ ее другому солдату со словами: «Что жъ? Прочтемъ послѣ»...

Я тоже прошу показать мнѣ книжку. Она оказывается изданной въ 1912 году брошюрой: „*П. Кропоткинъ. Война*“. Это—выдержка изъ книги Кропоткина «Современная наука и анархія»... Нѣсколько блестящихъ страницъ, посвященныхъ «закулисамъ» войны...

Я возвращаю книжку солдату, настоятельно совѣтуя прочесть ее со вниманіемъ, серьезно... И думаю: «Такъ вотъ кто былъ этотъ симпатичный рабочій!.. Товарищъ...»

Поѣздъ останавливается. Я прощаюсь съ солдатами и выхожу на площадку станціи. Моросить мелкій осенній дождикъ...

И мысли мои, какъ всегда, уносятся къ далекой, несчастной, истерзанной родинѣ...

З.

Власть въ руки „революціонной демократіи", „вся власть Совѣтамъ", или — „диктатура пролетаріата"?

Лѣвое крыло соціалъ-демократіи ищетъ и никакъ не можетъ найти того, кто долженъ былъ бы стать хозяиномъ русской жизни, овладѣть государственной властью и обратить ее на потребу и пользу трудовому населенію.

Одни с.-д. говорятъ о переходѣ власти къ «революціонной демократіи». Другіе — еще совсѣмъ недавно замѣнили «устарѣвшій» лозунгъ «диктатуры пролетаріата» новымъ лозунгомъ — «вся власть Совѣтамъ», а теперь объявляютъ этотъ послѣдній, въ свою очередь, «устарѣвшимъ» и кропятъ живой водой лозунгъ «диктатуры»...

Печально обстоитъ у с.-д-товъ дѣло съ вопросомъ о власти!.. Печально потому, что именно *этотъ* вопросъ представляется намъ вопросомъ чрезвычайной, исключительной важности; вопросомъ, которому мы придаемъ *центральное* значеніе въ дальнѣйшихъ судьбахъ революціи; вопросомъ, неясность и неустойчивость котораго могутъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія... И, право, намъ вчужѣ жаль партію, въ рядахъ которой нѣтъ ни единодушія, ни даже сколько-нибудь опредѣленнаго, постояннаго мнѣнія по вопросу, отъ ясной постановки и рѣшенія котораго столькое зависитъ...

А между тѣмъ, рѣшеніе это — «такъ близко, такъ возможно»... Рѣшеніе вполнѣ логическое, ясное, простое, само собою напрашивающееся (въ особенности, для с.-д. большевиковъ). Надо только рѣшительно, смѣло протянуть къ нему руку. Надо рѣшиться произнести послѣднее, логически необходимое слово: никому не слѣдуетъ овладѣвать государственной властью. *Не надо никакой власти.* Вмѣсто власти, «хозяиномъ жизни» должны стать объединенныя трудовыя организаціи рабочихъ и крестьянъ, — организаціи, которыя, — съ помощью тѣхъ же солдатскихъ организацій, — должны не «власть захватывать», а непосредственно перенять въ свои руки землю и другіе матеріалы и орудія труда и установить — всюду на мѣстахъ — новый порядокъ хозяйственной жизни.

«Обыватели» и «лѣнтяи» спокойно подчинятся новому порядку вещей. Буржуазія, — безъ солдатъ и безъ капитала, — *естественно останется и безъ власти.* Трудовыя организаціи свяжутся между собою и сообща наладятъ производство, распредѣленіе, передвиженіе и обмѣнъ товаровъ на новыхъ началахъ, создавая для этой цѣли, по мѣрѣ надобности, необходимые центры, органы и связующіе узлы. Тогда, и только тогда, побѣдитъ революція. Только *такая* «диктатура» (не властная, не политическая, не централистская) приведетъ къ цѣли.

До тѣхъ же поръ, пока политическія партіи будутъ спорить между собой *изъ-за власти* и вовлекать въ эти распри рабочія массы, разбивая ихъ и вызывая на неудачныя *политическія* выступленія, — до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи ни о побѣдѣ революціи, ни даже — о сколько-нибудь глубокомъ соціальномъ переустройствѣ жизни.

Надо надѣяться, что, если *лѣвая* с.-д-тія такъ и не придетъ къ указанному рѣшенію и выходу, то *сами массы* на мѣстахъ вынуждены будутъ жизнью, — въ концѣ концовъ, — приступить къ нему. И мы думаемъ, что объективныя условія эпохи и обстановки несутъ въ себѣ *зародыши* такого разрѣшенія «гордіева узла революціи» и *могутъ* привести къ такому выходу.

Само собою разумѣется, что мы отнюдь не хотимъ быть пророками. Мы лишь предвидимъ извѣстную возможность, извѣстную *тенденцію*, которая *можетъ и не осуществиться*. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ, нынѣшняя революція окажется еще не побѣдной, не окончательной, не великой соціальной революціей, и разрѣшеніе задачи, которую мы намѣчаемъ, ляжетъ на одну изъ грядущихъ революцій.

В.

НАПОМИНАНІЕ.

Товарищи!

Рекомендуемъ вамъ твердо помнить нѣсколько слѣдующихъ основныхъ истинъ:

1) *Единственно-важно, единственно-необходимо сейчасъ для* трудового народа — *довести* настоящую революцію до полнаго уничтоженія капиталистическаго порядка, использовать совершающуюся революцію въ цѣляхъ окончательнаго и всесторонняго раскрѣпощенія труда. Поэтому, необходимо, во что бы то ни стало, *продолжать революцію*, вплоть до осуществленія этой, единственно-цѣнной для трудового народа цѣли;

2) *Единственный путь*, ведущій къ осуществленію этой задачи, есть *экспропріація*, т. е. переходъ въ вѣдѣніе и распоряженіе *трудовыхъ организацій* (союзовъ и общинъ — рабочихъ и крестьянскихъ, городскихъ и деревенскихъ) всѣхъ, необходимыхъ для нормальнаго существованія и труда, продуктовъ, матеріаловъ, орудій и средствъ производства, распредѣленія, передвиженія и сообщенія: земли, жилищъ, готовыхъ предметовъ первой необходимости, копей, рудниковъ, промысловъ, отдѣльныхъ хозяйствъ, фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ, машинъ, желѣзныхъ и всякихъ иныхъ дорогъ, почтъ, телеграфовъ и пр., и пр. Поэтому, *единственно-важнымъ и необходимымъ для трудового народа дѣломъ, въ настоящій моментъ, является подготовка и осуществленіе революціонной экспропріаціи;*

3) Единственно-нормальнымъ, *естественнымъ*, отвѣчающимъ природѣ вещей объединеніемъ людей является объединеніе свободныхъ организацій, союзовъ, общинъ и группъ на почвѣ взаимнаго удовлетворенія нуждъ, потребностей и интересовъ ихъ членовъ. Всѣ прочія объединенія людей — «національныя», государственныя и иныя — являются искусственными, *не естественными*, создавшимися на почвѣ (возникшаго въ глубокой древности и вызваннаго несуществующими болѣе нынѣ причинами) *насилія и обмана*. Поэтому, необходимо, чтобы, въ результатѣ совершающейся революціи, общежитіе въ Россіи вылилось въ форму свободныхъ федерацій независимыхъ союзовъ, организацій, общинъ и группъ, естественно и свободно связывающихся и сносящихся между собою;

4) Всякая *власть* есть учрежденіе ненужное и вредное *для такого нормальнаго общежитія*. Поэтому, необходимо бороться *противъ всякой власти*, за *безвластіе*, т. е. за естественное, свободное объединеніе и взаимодѣйствіе свободныхъ организацій, союзовъ, общинъ и группъ;

5) Всякій, даже честный человѣкъ или группа людей, въ рукахъ которыхъ находится *власть*, тѣмъ самымъ неизбѣжно проникаются *тремя основными ложными представленіями*: а) имъ кажется, что *именно они*, какъ поставленные у власти, *естественно обязаны* блюсти, охранять и защищать интересы населенія, установившійся «порядокъ» и «благополучіе» страны: имъ кажется, что *именно отъ нихъ и отъ ихъ дѣятельности* зависятъ этотъ «порядокъ» и это «благополучіе»; б) имъ кажется, что *именно они*, какъ поставленные у власти, *отвѣтственны* за всякое нарушеніе даннаго «порядка» и даннаго «благополучія»; имъ кажется, что на нихъ падаетъ огромная и тяжелая отвѣтственность за все происходящее въ странѣ; в) на почвѣ этихъ двухъ представленій объ *обязанности* и объ *отвѣтственности*, имъ кажется, что они *должны*, *призваны* и *обязаны* подавлять и устранять все то, что представляется имъ вреднымъ для наличнаго «порядка» и «благополучія» и затрагивающимъ ихъ отвѣтственность «передъ страной и населеніемъ». Поэтому, *всякая власть*, — какими бы честными людьми ни были ея обладатели, — *неизбѣжно* приводитъ этихъ людей къ мѣрамъ насилія и подчиненія, становится орудіемъ насилія, господства, несправедливости и зла. Поэтому, необходима рѣшительная борьба *со всякой властью вообще*, кто бы ни были ея носители.

ИЗЪ РАБОЧЕЙ ЖИЗНИ.

Резолюція рабочихъ завода «Лангензипенъ» (новый) о текущемъ моментѣ.

Намъ доставлена, съ просьбой о напечатаніи, слѣдующая резолюція рабочихъ завода «Лангензипенъ»:

Мы, рабочіе и работницы завода «Лангензипенъ», собравшись обсудить совмѣстно создавшееся положеніе въ странѣ, послѣ обмѣна мнѣній пришли къ слѣдующему заключенію:

1) Что существующее нынѣ «противоестественное» коалиціонное министерство не есть министерство спасенія революціи, **а министерство спасенія буржуазіи отъ революціи:**

2) Что всѣ акты этого министерства направлены не на расширеніе (правъ трудящихся, а на укрѣпленіе позиціи капиталистовъ;

3) Что истинно революціонное министерство не можетъ вести преступнаго «братанія» съ врагами рабочаго класса — капиталистами, допускать и даже способствовать имъ въ подавленіи революціоннаго духа рабочихъ, а вѣдь къ этому какъ-разъ и направлены акты о смертной казни, о закрытіи газетъ, объ административной высылкѣ, объ оскорбленіи «величества» дружественной державы, и т. д., и т. п.

Мы протестуемъ противъ Николаевскихъ пріемовъ «революціоннаго» правительства, бросающаго безъ достаточныхъ основаній революціонный пролетаріатъ въ тюрьмы и закрывающаго рабочія газеты, созданныя потомъ и кровью трудящихся.

4) Съ глубокимъ душевнымъ возмущеніемъ приходится смотрѣть на то, какъ люди, когда-то добивавшіеся отвѣтственности министерства передъ народомъ, теперь дѣлаютъ то же, что дѣлалъ Николай II и его министры. Николай отвѣчалъ только «передъ Богомъ», а наше нынѣшнее, на три четверти соціалистическое, министерство на мѣсто Бога поставило «совѣсть» и провозгласило, что оно отвѣтственно только передъ своей совѣстью. Спрашивается, какая же разница между Николаемъ и существующимъ Правительствомъ? Николай былъ одинъ, а ихъ нѣсколько.

Мы протестуемъ противъ такой олигархіи захватчиковъ власти.

5) Что существующее нынѣ Правительство — не наше Правительство, и что оно не заслуживаетъ нашего довѣрія и нашей поддержки.

6) Что нынѣшнее Правительство такъ много за свое короткое существованіе принесло зла трудовому народу и революціи, что мы уже вообще начинаемъ сомнѣваться, чтобы Правительство, составленное изъ партійныхъ ставленниковъ, сдѣлавшихъ свою карьеру на нашихъ рабочихъ спинахъ, могло когда-либо принести пользу трудящимся, а потому мы мало-по-малу приходимъ къ мысли о собственномъ освобожденіи своими руками, черезъ наши чисто-пролетарскія боевыя организаціи.

7) Что мы, какъ и два мѣсяца назадъ, стоимъ на той точкѣ зрѣнія, что страну можетъ вывести изъ продовольственнаго и финансоваго развала одинъ лишь пролетаріатъ въ союзѣ съ крестьянствомъ, организованный въ свои чисто-классовыя автономныя организаціи, объединенныя на принципѣ федерализма, осуществляя полный контроль во всѣхъ безъ исключенія областяхъ промышленности. —

Товарищи! Какъ видно, свободы и счастья никто намъ не дастъ; такъ возьмемъ же ихъ сами, своими мозолистыми руками!

Объединимся, товарищи, всѣ, безъ различія вѣры, національности и партійныхъ взглядовъ, въ одну дружную пролетарскую семью, организуемъ свой классъ и свергнемъ иго капитала и его прислужницу — государственную систему, своими силами, безъ посредниковъ; и на ихъ развалинахъ построимъ свое рабочее свободное счастливое царство, гдѣ не будетъ ни голодныхъ, ни холодныхъ, ни рабовъ, ни господъ.

Итакъ, впередъ! Никому никакого довѣрія, кромѣ своихъ классовыхъ организацій.

Дружно, товарищи, въ ногу за свѣтлую новую жизнь!

Довольно насъ терзали и томили; теперь мы хотимъ счастливой, человѣческой, а не рабьей жизни, и мы получимъ ее чрезъ организацію и прямую борьбу съ капиталомъ.

Да здравствуетъ война до побѣды надъ капиталомъ!

Миръ хижинамъ, война дворцамъ!

Да здравствуетъ наша пролетарская мечта — соціализмъ!

Предсѣдатель Собранія *И. Павловъ.*
Секретарь: *Г. Кузьминъ.*

КЪ ТОВАРИЩАМЪ.

Намъ удалось, наконецъ, преодолѣть цѣлый рядъ крупныхъ затрудненій и препятствій, мѣшавшихъ намъ, до самаго послѣдняго времени, приступить къ изданію анархо-синдикалистскаго органа въ Петроградѣ.

Главныя затрудненія и помѣхи превзойдены. Но, товарищи понимаютъ, конечно, что, съ первыхъ же дней своего существованія, газета вынуждена бороться съ новыми трудностями. Самая серьезная изъ нихъ — матеріальная необезпеченность изданія.

Въ наши дни, газета — даже еженедѣльная — стоитъ большихъ денегъ. Товарищи увидятъ, изъ ближайшихъ отчетовъ, во что обходится намъ выпускъ каждаго номера. Между тѣмъ, наша газета не преслѣдуетъ коммерческихъ цѣлей и не помѣщаетъ платныхъ объявленій.

Мы призываемъ, поэтому, всѣхъ товарищей, въ Петроградѣ, Москвѣ и провинціи, приложить теперь же всѣ усилія къ тому, чтобы придти на помощь газетѣ всѣми, имѣющимися въ ихъ распоряженіи средствами: подысканіемъ подписчиковъ, распространеніемъ каждаго номера, сборами и т. д. Долгъ каждаго товарища — откликнуться на нашъ призывъ. Этого требуетъ моментъ. Этого требуетъ дѣло. Этого требуетъ успѣхъ нашего движенія.

Редакторъ: **В. М. ЭЙХЕНБАУМЪ (ВОЛИНЪ).**
Издатель: **Союзъ анархо-синдикалистской пропаганды.**

Къ свѣдѣнію.

Напоминаемъ товарищамъ и организаціямъ росписаніе очередныхъ лекцій тов. ВОЛИНА на этой недѣлѣ:

Пятница, 25-го авг. — **Колпино.**

Понедѣльникъ, 28-го авг. — **Обухово.**

Вторникъ, 29-го авг. — **Лангензипенъ.**

Среда, 30-го авг. — **Кронштадтъ.**

Четвергъ, 31-го авг. — лекція въ помѣщеніи Коммерческаго училища (Черн...шевъ пер., 9) на тему: **„Что такое анархизмъ."** (Устраивается Ярославскимъ землячествомъ). Начало въ 8 ч. веч.

ОТЧЕТЪ

Кронштадской организаціи Анархо-Синдикалистовъ-Коммунистовъ съ 14-го мая по 1-е іюля 1917 года.

ПРИХОДЪ:

Членскіе взносы и добров. пожертв.	184 р.
Собрано на лекціяхъ т. Ярчука	509 »
Выручено отъ продажи литературы	467 »
Собрано по подписнымъ листамъ:	
Отъ минной мастерской	4 »
По подписному листу № 2 черезъ т. Якубанеца	26 »
» » » № 7 черезъ т. Алмазова	42 »
Отъ мастерской морской арт. лабараторіи черезъ т. В. Песнкова	2 »
Отъ комитета морской арт. лаб. черезъ т. В. П.	5 »
Отъ мастерской Ефимова черезъ т. Мельмова	18 »
Отъ маст. морской арт. лаб. мастеровыхъ и мастерицъ	46 »
Взято взаимообразно отъ Х. Я.	22 »
Итого	1548 р.

РАСХОДЪ.

Куплены книги для библіотеки клуба	120 р.
Израсход. на устройство клуба	25 »
На знамя	70 »
Почтовые расходы	12 »
Поѣздки по дѣламъ организаціи, агитаторовъ и пропагандистовъ	126 »
На канцелярскія принадлежности и на покупку газетъ	26 »
На поѣздки въ Москву за литературой	120 »
Расходы по клубу	126 »
Итого	620 »
Къ 1-му іюля осталось въ кассѣ	928 р.

Кассиръ *Одинцовъ.*

Товарищей, получившихъ для перевозки литературу въ Нью-Іоркѣ, просятъ возвратить таковую по адресу конторы «Голоса Труда».

Просимъ товарищей приходить за газетой, для распространенія, начиная съ пятницы вечера, отъ 6 до 8 час.

Газетчики могутъ получать газету въ пятницу вечеромъ, въ тѣ же часы, въ субботу, съ 3-хъ час. дня, и въ понедѣльникъ утромъ, отъ 7 часовъ.

Издательство „ГОЛОСЪ ТРУДА"

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ изъ печати слѣд. изданія „Петроградскаго Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды":

Новый Интернаціоналъ, П. А. Кропоткина.
Умирающее общество и Анархія, Жана Грава.
Анархо-Синдикализмъ, М. Раевскаго.
Азбука Синдикализма, Ж. Ивто.
Необходимость революціи, П. А. Кропоткина.
Довольство для всѣхъ, П. А. Кропоткина.
Наши богатства, П. А. Кропоткина.
Порядокъ, П. А. Кропоткина.
Политическія права, П. А. Кропоткина.
Всеобщая стачка и соціальная революція, А. Розина.
Чикагская драма (Страница изъ исторіи рабочаго движенія въ Америкѣ).
Какъ мужикъ у всѣхъ въ долгу остался (сказка).
Какъ попы поработили народъ ученіемъ Христа.
Голодъ, Невѣжество и Страхъ (листовка).
„Пѣсни Труда" (Сборникъ революціонныхъ пѣсенъ и стихотвореній).

Съ заказами обращаться въ контору „ГОЛОСА ТРУДА"
Петроградъ, Птг. ст., Полозова ул., д. 26, кв. 3.

Печатано въ Типографіи Аренд. Акц. О-мъ „Домъ Печати" В. О., 16 линія, 5—7.